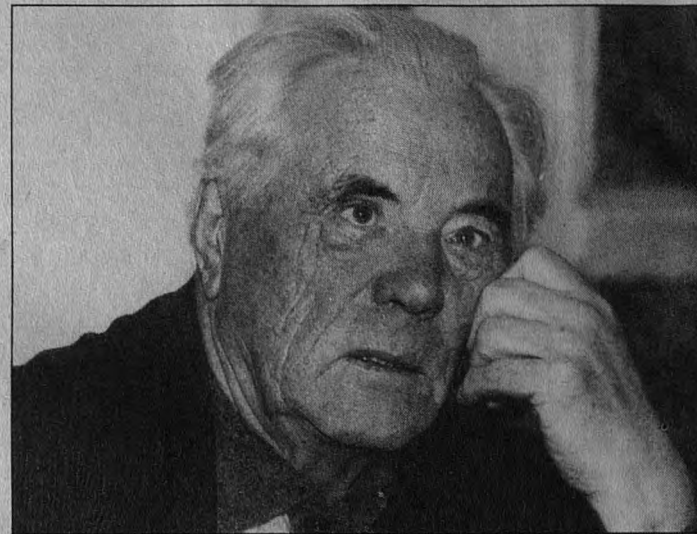

ИТАР-ТАСС

Делайте хоть что-нибудь!

С этим призывом обратился Виктор АСТАФЬЕВ к своим читателям накануне юбилея

Общая газета.
— 1999. — 29 апр. —
— 12 мая — с. 10

ВЕСТЬ О ПРИЕЗДЕ Виктора Астафьева в Москву расходилась по средствам массовой информации волнами. Когда мы вошли в гостиницу «Металлург», куда неожиданно попал классик вместо центрального отеля «Минск», нам тут же, от порога, сообщили: номер 901. Похоже, администратор этой заштатной гостиницы был на большом подъеме от разрывающегося телефона, наплыва прессы и знатных гостей. Сам же герой дня лежал на кровати, обесиленный этим неумным вниманием. «Как же вы здесь оказались?» — не удержались и спросили мы, пройдя по обшарпанным этажам. «Не могу же я разорвать и так бедную Ленинскую библиотеку, меня пригласившую», — просто ответил Астафьев. — Им и так досталось: я с внуком и две девочки из нашей овсянковой библиотеки, которой надеюсь помочь. Не перевелись еще люди — жду бизнесмена, обещающего пособить деньгами».

После этой деловой части предполагалась дружеская встреча с Никитой Михалковым и Георгием Жженовым. Москва круто взяла Астафьева в оборот. «Хорошо, что мне хоть дышит здесь легоче. У нас в Красноярске то дождь, то снег, давление замучило, до по-

следнего часа не знал, полечу в Москву или нет...» Но, похоже, Виктор Петрович не жалел, что добрался. Такая трехдневная круговерть — прием в Кремле по поводу 75-летнего юбилея писателя, настойчивые домогательства передачи «Герой дня», большая аудитория на выступлениях в Ленинке, не говоря уже о привязчивых журналистах, — это бодрит даже такого, никогда не гнавшегося за знаками публичного признания человека, как Виктор Астафьев.

Охотнее всего он говорил не о себе, а о своих родных: о жене Марии Семеновне, на плечах которой вся большая семья — когда успела написать свои 14 книг, даже мужу не ясно; о внуке, отметившем свой день рождения в столице; о внучке, которую цвет лака на ногтях интересует больше, чем чтение книг, — но когда ж не покрасоваться, как в 17 лет... Астафьев так искренен в своих человеческих заботах, что самими точными в череде столичных славословий, наверное, были слова министра культуры Владимира Егорова, сказанные на встрече с писателем: «Астафьев прошел путь солдата и труженика, его по-настоящему любят не только в России, но и во всем читающем мире. Но за одно я хочу поклониться особо: как уда-

лось ему в нашем перекореженном мире никогда не переставать говорить о «я» каждого человека. Не о толпе, не о революционной массе, не об общественном сознании, а о личном и индивидуальном, интимном и сокровенном».

Ни конъюнктура, ни расположение властей, ни суета жизни никогда не руководили его мыслями и чувствами. Поэтому так важно услышать сегодня Виктора Петровича АСТАФЬЕВА.

Юбилей

— ДО ЮБИЛЕЯ остается еще несколько дней, но я уже устал. 75 лет — не повод для празднеств и суеты. В этом возрасте уже следует сидеть на печке в деревне. Лично я мечтал смыться в тайгу, туда, где бы не нашли. Но мне сказали: это не в твоей воле. Народ требует. Сегодня в обществе так любят праздники, презентации, привыкли общаться при помощи стола, что мне справиться было не под силу: как я ни отбивался, чего-то все-таки нагородили.

Как жить дальше?

Я НИКОГДА не присваивал себе роль духовника или учителя. Слишком это рискованное положение и слишком сложная задача. Если бы я знал, как жить, я бы собрал последние деньжонки, продал старое пианино, а на вырученное купил вертолет, напечатал бы на машинке листовки и бросал с неба. Не знаю я, как жить. Сами соображайте.

Политика

— Я БЫ не хотел говорить на эту тему. Выйдите на улицу: каждый

второй с удовольствием расскажет вам все. А меня лучше спрашивать про Сибирь, культуру и литературу. Чем все закончится — я не знаю, это надо спрашивать у тех, кто моложе. Я знаю только то, чем все закончится для меня.

Мы не справились с перестройкой, не хватило сил. Я был депутатом Верховного Совета первого созыва и помню, как Горбачев предоставил слово Ельцину. Высокий, совершенно трезвый мужик с хорошо завязанным галстуком шел к трибуне, и две с половиной тысячи делегатов, сыны гор и долин, встали со своих мест и аплодировали. Не от большой любви — все надеялись, что этот дядя хлеба даст, пашню вспашет, оживит Нечерноземье и Северо-запад, который зарос кустами. Все ждали чуда. А чуда не случилось, да и не могло случиться. Сам Ельцин не семи пядей во лбу. А то небольшое напряжение, которое требовалось от народа, оказалось нам не под силу. И свобода оказалась не под силу. Народ остался в каком-то ребячьем возрасте, а свобода — она как опасная бритва: обрезался ребенок и хнычет, и жалуется.

Не знаю, изменится ли что, когда изберут другого президента. Но одно знаю наверняка: если вернутся коммунисты, будет еще хуже. У них на лбу написано: жизнь есть борьба. А народ от борьбы уже ослабел.

Я могу сказать Ельцину в глаза: дурак, что взялся за такой груз. Помню, как на XIX партконференции Горбачев читал докладные часа на два, а потом снял очки, посмотрел овечьими глазами и сказал: «Да, товарищи, даже мы такого развала не ожидали!» И еще мне

запомнилось, как где-то под Москвой к тому же Горбачеву подошел паренек-бригадир, рассказал, что затеял организовать артель. Горбачев аж за груды его схватился: «Да делайте хоть что-нибудь!» И сегодня мне тоже хочется выйти на площадь и сказать: да делайте хоть что-нибудь!

Столица и провинция

— Я НЕ БЫЛ в столице четыре года и не испытывал никакой тоски по ней. Конечно, хорошо пообщаться, послушать музыку и побывать в театре. Но органической тяги в Москву я уже не ощущаю. Столица становится чужая: она перестраивается, она живет лучше, в ней дикие цены. Сегодня, когда отчуждение раздирает все слои общества, противостояние столицы и провинции неудивительно.

Сибиряки живут трудно, как вся Россия. Живут огородами, ждут улучшения, надеются на зарплату. Особенно тяжело тем, кто нуждался всегда: учителям, библиотекарям, врачам. Они пытаются, конечно, бастовать, но на это уже давно никто не обращает внимания.

Будущее литературы

— В ЛЮБОЙ культуре периодически случаются изгибы и провалы. Но литература не рождается из счастья и радости. Она может появиться на свет только из мучений и страданий. А этим материалом Россия всегда была богата.

В переломные моменты в литературе опережает поэзия. Как ни странно, но сегодня превалирует поэзия женская. Она более мужественная, загадочная и поэтичная. А мужики выродились в

каких-то «местечковых певцов березок» или пишут зауш пополам с нескладухой. Когда сибиряки-переселенцы строились, таскали бревна, мужик, естественно, становился под самую тяжелую часть дерева — под корень. Сегодняшние мужики все время норовят засунуть под корень бабу. Она становится и тащит всю нашу жизнь. Не знаю, что бы мы делали, если бы не бабы.

Мы как-то не обратили внимание на то, что стали другими: из деревни переселились в город. В деревне осталось очень мало ослабленного, умирающего народа. И сегодня, когда понятно, что уже совсем скоро начнется обратное отторжение, уже исход из города, к земле. Должна родиться новая литература. Она пробивается как травинка сквозь асфальт: жесткая, жесткая, немного расхристанная. Но уже сегодня я могу назвать такие имена, как Михаил Кураев, Олег Павлов.

Чтение

— ЕСЛИ мы предадим книгу, мы встанем на четвереньки. Ко мне приходят журналисты — все с диктофонами. Когда я недавно увидел журналиста с блокнотом, то прослезился. По-моему, все эти технические новшества — от дьявола. Сам я как писал ручкой, макая в пузырек, так и макая. Марье Семеновне внук предложил: «Бабушка, давай я тебя на компьютере научу». Она отказалась: «Не надо, я всему, чему надо, уже научилась». Это правильные слова: нам необходимо живое общение. А то на меня уже смотрят, как на Агафью Лыкову, старообрядку, не знающую, что такое телефон. Хоть я и

из Сибири приехал, но для столицы бабочку надел — настоящий фраер.

Любовь народная

— КОГДА народу перестаешь льстить, так слышишь со всех сторон матюги и проклятия. Я шел-шел-шел и дошел до романа о войне. Попытался быть самостоятельным, удалось ли — не мне судить. И получил массу отвратительных, ругательных писем, я даже не знал, что такая дикость сидит в душах наших людей. Одна пожилая женщина из Выборга написала: «Всех бы вас, писателей, взять и перевешать!» Выходит, мало нам крови, вождей, мучителей и грабителей!

Национальная идея

— ПО-МОЕМУ, сегодня это слишком расплывчатое понятие. Тот смысл, который вкладывали в него большевики, изжит. А нового так и не появилось. Я думаю, такую идею каждый носит в себе, как Бога. Как вы ее создаете, как понимаете — такой она и отражается на бумаге. А всеобъемлющей идеи я пока не ощущаю.

Вера

— САМ я крещеный. Помню, бабушка учила молиться, лупила по затылку, чтобы, как в деревне полагается, вставал на колени. Сегодня мне кажется, что Бог у каждого свой. Какое у человека представление о высшей силе, таков и есть его Бог. Потому и вера такая разная: у одних слабая, у других конъюнктурная. Когда-то на

Урале «спрос на Бога» повышался перед праздниками или посевной: все ходили молиться. Вот и сейчас, когда вокруг всеобщее смятение и жизнь тяжелая, мы вспоминаем о Боге всё чаще и чаще. Но я бы не хотел, чтобы это слово затаскали, как при советской власти затаскали слова «свобода» и «родина». Его нужно упоминать как можно реже вслух и как можно чаще про себя. Необходимо молиться и просить прощения. Я думаю, то, что происходит с нами, — наказание Господне. И за то, что творят сегодня американцы, Бог обязательно накажет. Не случайно только что на наших глазах снесло ураганом два штата и ребятишки друг друга перестреляли. На все есть веление Божье. А разобраться — справедливо ли наказание — нам не дано.

Планы на будущее

— ПОСЛЕ большого перерыва в работе я всегда принимаюсь за мелочь и с нее беру разгон. А что будет дальше — не знает никто. Как говорил Николай Рубцов: «О чем писать, на то не наша воля». Вот собираюсь написать детскую повесть, себя порадовать. Ведь как влез в серьезную литературу, так и заблудился в ней.

Каждую книгу я начинаю с чувством первооткрывателя. Когда начинал писать «Прокляты и убиты», так даже слово «роман» боялся поставить. Ведь до меня его использовали такие великие писатели! Но большую вещь мне уже не одолеть. И войны больше не коснусь: слишком тяжело.

Ольга ТИМОФЕЕВА,
Юнна ЧУПРИНИНА